Обсуждение статьи доктора философских наук, профессора, академика НАН Украины Е. В. Семёнова

«ОПЫТЫ С РУЧНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСОМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ»

13 июня 2013 года в РИЭПП прошел Круглый стол, посвященный обсуждению статьи доктора философских наук, профессора, академика НАН Украины Е. В. Семёнова «Опыты с ручным управлением научно-технологическим комплексом в постсоветской России». В обсуждении приняли участие:

Балацкий Евгений Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, заведующий Кафедрой управления миграционными процессами и региональным развитием Государственного университета управления (ГУУ), главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН);

Борисов Всеволод Васильевич – кандидат физико-математических наук, заведующий отделом проблем глобализации и международного сотрудничества в сфере науки и инноваций РИЭПП;

Ващенко Владимир Петрович – доктор философских наук, кандидат технических наук, руководитель отдела программ и проектов Российско-китайского технопарка «Дружба»;

Изосимов Владимир Юрьевич – заведующий отделом мониторинга и оценки развития сферы науки и инноваций, первый заместитель директора РИЭПП;

Ильина Ирина Евгеньевна – кандидат экономических наук, заведующая сектором проблем гармонизации российского и международного права в области науки и инноваций;

Лапаева Валентина Викторовна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;

Семенов Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, академик НАН Украины, директор РИЭПП;

Сергеева Владлена Владимировна – заведующая сектором наукометрии и статистики науки, ученый секретарь РИЭПП;

Тугаринов Иван Алексеевич – кандидат геолого-минералогических наук, заместитель генерального директора ФГУ НИИ РИНКЦЭ по научной работе.

Изосимов В. Ю.: Я предлагаю начать наш семинар и предоставить слово автору статьи, которую мы сегодня будем обсуждать, Евгению Васильевичу.

Семенов Е. В.: Я бы хотел высказать семь коротких тезисов. Естественно, не буду пересказывать статью. Кому хватило терпения, ее прочитали, а пересказывать – длинно.

У нас появилась идея опубликовать ряд статей вместе с их обсуждением. В этом номере мы выбрали три статьи, которые, как нам кажется, касаются крупных значимых тем. Нужно, чтобы прозвучала не только одна точка зрения и не только тот узкий аспект, который рассматривается в статье. Нужно более широко эту проблему представить – что можно сделать за счет обсуждения: когда статья не только предмет, но и повод для обсуждения проблемы. Таких статей выбрали три. Одна статья В. В. Борисова. Будет круглый стол и там будет другой состав. Круглые столы будут разные по составу. Половина из штатных сотрудников, другая половина будет приглашаться извне на каждый из круглых столов. Статья В. В. Борисова о науке и религии и их совместимости в современной светской системе образования. Серьезная проблема. В ней много аспектов. Она значима для современности. Еще одна статья – А. В. Юревича и И. П. Цапенко. Она касается вклада российской науки в мировую. Там рассматривается узкий аспект: можно ли по публикационной активности или по индексу цитирования оценивать это вклад? Или нужно что-то другое? Авторы говорят об этом, хотя проблема намного шире. И, наконец, моя статья, которая уже была заявлена.

Статья, которую мы сегодня обсуждаем, это фрагмент из книги, которую я написал в самом конце 2011 г., но не опубликовал. Сейчас у меня нет желания ее *(книгу – прим. редактора)* публиковать. Но какие-то кусочки из нее я опубликую, в том числе три фрагмента, связанные с проблематикой научно-технологического комплекса России. Одна небольшая статья о состоянии российского научно-технологического комплекса, опубликована в предыдущем, 12-м номере нашего Альманаха, вторая, которую мы обсуждаем, будет опубликована в № 13. Готова еще одна статья, которую я сдам в следующий номер. Последняя статья о понятийной системе, о способах представления объекта научно-технологической политики. Для понимания сегодняшней статьи, в принципе, эта статья была бы полезна.

Сейчас тезисно скажу, забегая вперед, какова собственно моя позиция, и что я попытался сделать в статье, которую сегодня обсуждаем. Я считаю, что явно оформились три, по крайней мере три, способа представления объекта научно-технологической политики. Один из них я называю ресурсным подходом. Он выводит на понятие потенциала – научно-технического, научно-технологического потенциала. Я специально анализирую связь научно-технического и научно-технологического потенциала в старой советской традиции, в западной традиции и в современной российской традиции. Ресурсный подход позволяет увидеть собственно ресурсы и возможности. Научно-технологический потенциал – это и есть ресурсно обеспеченные возможности системы. Второй подход, который я вижу, я его называю организационным, он выводит на понятие научно-технологического комплекса, как системы организаций. И третий подход. У него есть

старое закрепившееся название – структурно-функциональный подход. Он выводит на понятие научно-технологической сферы, когда рассматривается не только наполнение функциональных мест (научно-технологический потенциал и научно-технологический комплекс – это наполнение), но и связи функциональных мест. Сфера – это квазиотрасль с системой разделения функций, взаимодействий и т. д. Я просто пояснил, в чем моя собственная позиция, которую я в обсуждаемой сегодня статье явно не проговариваю, не обосновываю и т. д. Но написана она с этих позиций.

Мне хотелось сделать более достоверным вывод, который, признаюсь, был у меня заранее, априорно и думаю у многих других о низком интеллектуальном качестве современных управленческих документов в широком смысле за последние двадцать лет. Для этого я выбрал некоторый массив документов, прежде всего Федеральные целевые программы (ФЦП). На конец 2011 года было 12 целевых программ, которые касались развития высоких технологий (в целом их было больше, и в статье я это указываю, около полсотни на тот момент), и ряд других смежных концептуальных и программных документов в сфере научно-технологической и инновационной политики.

Из трех понятий, которые я назвал – научно-технологический потенциал, научно-технологический комплекс и научно-технологическая сфера – я выбрал для анализа комплекс именно потому, что о нем говорится в документах наиболее внятно. Сфера в документах вообще никак не определяется. Совсем никак. Намного слабее чем, комплекс. С потенциалом дело обстоит тоже слабее, чем с комплексом. Я выбрал комплекс, потому что понятие наиболее осмысленно употребляется в документах. Но насколько осмысленно я попытался показать в статье.

В ФЦП нет осмысленного использования какой-то понятийной системы или какого-то понятия, где задавались бы существенные свойства, задавалась бы структура, т. е. и состав системы, и связи, взаимодействие элементов и т. д. Это вербальный уровень. При этом постоянно происходят смешивание потенциала с комплексом, комплекса со сферой и в любой комбинации одного с другим. Я хотел бы надеяться, что мне на этом массиве документов удалось достаточно достоверно показать, что современная управленческая практика в научно-технологической сфере обходится без науки. Она довольствуется представлениями обыденного сознания, и это в свою очередь требует какого-то объяснения.

Моя гипотеза (не скажу, что я ее доказал, но я ее высказал), которая вытекает из приведенных данных, возникла у меня раньше, чем проводился анализ. Анализ я проводил, чтобы получить какие-то подтверждения. Моя гипотеза состоит в том, что это связано с системой ручного управления, которая, в моем понимании, в принципе не нуждается в науке. И тогда возникает эта сложная система, когда существующая практика управления не нуждается в науке, наука остается невостребованной, без науки сама эта практика мельчает, она вытесняет специалистов, они становятся чуждыми в этой системе управления, потому что для ручно-

го управления они не нужны. Это ситуативное вмешательство в какие-то процессы. И одно стимулирует другое. В этом клубке уже трудно разобраться, что является первопричиной. Я считаю, что первопричиной является такая система управления, в которой отсутствует потребность в науке. В этой системе наука действительно не нужна. Решения принимаются совсем на другой основе.

Так было в 2004 году, когда во время административной реформы создавались Федеральные Агентства, в частности, Агентство по науке и инновациям. В президентском Указе совершенно ясно было сказано, что оно создается с целью повышения эффективности управления научно-технологической сферой. Ровно через шесть лет, в 2010 году, тоже президентским Указом Агентство было ликвидировано и тоже с очень ясной формулировкой, что оно ликвидируется с целью оптимизации управления научно-технологической сферой. В чем состоит это повышение эффективности? В чем эта оптимизация? Есть просто вербальный уровень. Востребуются какие-то клише, которые кажутся самодостаточными и убедительными сами по себе. Вот это я и попытался понять в статье. Насколько это получилось? Для Альманаха будет хорошо, насколько остро мы об этом поразмышляем и подискутируем. Для меня лично это было бы интересно. Спасибо.

Изосимов В. Ю.: Кто хочет высказаться? Прошу. Кто начнет первым?

Борисов В. В.: Когда я прочел эту статью, мне показалось, что статья слишком много внимания уделяет терминологии, что с моей точки зрения, насколько я могу судить, является самым главным недостатком организации ФЦП. Тем не менее, я недавно перечитал эту статью и понял, что статья более содержательна, чем мне вначале показалось.

Как связаны между собой такие понятия как техника и технология? В советское время всегда говорили: наука и техника. ГКНТ – государственный комитет по науке и технике. В названии нашего института имеются слова: «в научно-технической сфере».

В принципе понятно. Техника – это машины, оборудование, установки, а технология – это процесс. Со временем, когда стали чаще обращаться к международному опыту, понятие «технологический», «научно-технологический» стало вытеснять понятие «научно-технический».

Где-то в начале 60-х годов, группа международных экспертов собралась недалеко от Рима в городке Фраскати, чтобы выработать общее понимание понятий – составили большое «Руководство Фраскати». В принципе, что имеется в виду, когда говорят «научно-технический комплекс»? Там и «техника», и «технология» и многое другое. А в «Руководстве Фраскати» все это выражается как «science and technology», т. е. «наука и технология». Никакого эквивалента выражению «наука и техника» там нет. Поэтому все стали называть «технологические вещи». Тем более, что технологии, т. е. процессы – ближе к цели производства, к цели исследования.

Машины, оборудование – все это тоже необходимо для производства продукции, но само производство – это все-таки в основном процесс.

И я согласен с тем, что говорится в статье: несмотря на близость по смыслу употребляемых терминов, произвольное манипулирование этими терминами создает не очень хорошее впечатление.

У меня был некоторый опыт – была возможность узнать, как происходит реализация ФЦП на самом деле. В начале 2006 года меня позвали помочь написать отчет о реализации ФЦНТП «Исследования и разработки... и т. д.». И хотя мне не предоставили все материалы, которые обещали, тем не менее, я посмотрел всё по сайтам и многое понял – в частности, понял насколько прав Евгений Васильевич в этой статье, когда написал такую фразу: «ФЦП не предназначены для осмысленного к ним отношения». Как мне удалось выяснить, исполнители ФЦП, т. е. Дирекция программы, Координационный совет программы, ни на Концепцию, ни на содержание самой Программы фактически никакого внимания не обращали. У них основная задача – сформулировать темы лотов и произвольно распределить их по пяти блокам. Иногда они в один блок встраиваются, иногда в несколько блоков. Все это делается на низовом уровне – это готовят сотрудники Министерства, работающие на низших должностях. Координационный совет вообще не вмешивается в это дело.

Реализация Программы идет в несколько этапов. Каждый этап – это отдельные конкурсы и соответствующие лоты. И, как оказалось, что ассигнования, предоставленные на реализацию разных блоков, совершенно не соответствовали тому, что записано в правительственном Постановлении, где по блокам все заранее распределено (и это неотъемлемая часть правительственного постановления), причем, даже на уровне Координационного совета не было специальных решений, чтобы изменить эту ситуацию. И в результате что получается? Что такое Федеральные целевые программы? Это деньги. Если куда-то нужно истратить деньги, пусть даже на благие цели – откуда их взять? Каждый раз запрашивать у Правительства из резерва? Так есть же программы. В эти программы можно встроить все, что угодно, без всякого специального решения. И я согласен: в результате все это ведет к резкому снижению эффективности ФЦП, все эти лоты оказываются бессистемными.

Если терминология и в Концепции, и в самой Программе плохо выдержана, то о названии лотов и говорить не приходится. Мы хорошо знаем из своей практики, что эти названия лотов надо еще переводить на русский язык, причем разные заявители переводят на русский язык по-разному. Меня уже во вторую стадию Программы «Исследования и разработки» дирекция Программы включила в число экспертов, и мне попадали по какому-то лоту 5–7 заявок, и нужно было отобрать, какая лучше. Причем они были совершенно разные, по разным направлениям. Было даже странно, что они попали в один этап. Но все же было довольно легко понять, какая работа заслуживает большего финансирования, чем другая. Но сама форма для эксперта была таким «прокрустовым ложем» из которого и вывернуться нельзя. Получается так, что если точно отвечать на все вопросы, то по работе оценки окажутся все положительные, а работа доброго слова не стоит. Актуальная тема? Да, она акту-

альна. Правда, люди, которые подают заявку, в этой теме не являются специалистами, но как раз этот пункт в форме отсутствует, являются они специалистами или нет. Поэтому, конечно, было бы очень здорово, если бы и концепции программ, и сами программы, и их реализация действительно проводились системным осмысленным образом. И эта мысль в статье выражена достаточно удачно.

Единственный есть недостаток, но о нем Евгений Васильевич как раз сказал: что тема еще далеко не исчерпана, требует развития или расширения. Частично что-то уже сказано в предыдущей статье, которая была уже опубликована. И планируется что-то добавить в следующей статье.

Иногда кажется, что порядок навести в этой системе невозможно. Однако опыт других стран показывает, что иногда с нуля за 10 лет сфера управления процессами становится развитой системой, присутствуют и инновации, и научная часть развита.

Изосимов В. Ю.: Спасибо.

Тугаринов И. А.: К сожалению, я не читал первой статьи Е. В. Семёнова на эту тему. Возможно, часть вопросов, которые я собираюсь обсудить, была бы снята. Так что говорю только об обсуждаемой сегодня статье. Для меня она интересна как результат науковедческого исследования. Это такой case study с элементами реконструкции процессов – близкая мне тема из истории науки, которая касается недавней истории и современности, и в ней получены интересные результаты. Статья, как мне кажется, нужная, своевременная. И я согласен с общей направленностью статьи, что очень желательно увеличение роли науки в системе управления научной системой, где ее сейчас очень не хватает. Хотя у Евгения Васильевича, на мой взгляд, местами упреки довольно жесткие, полемически заостренные, но как говорится, иначе не проймешь.

Например, я не совсем согласен с утверждением, что бытовой уровень сознания – это интеллектуальный аналог современного ручного управления. С моей точки зрения, ручное управление возникает, когда не выстроен механизм системы работы и требуется постоянное вмешательство высшего уровня в работу низшего уровня. Другой случай, который ближе к данному, обсуждаемому, это когда элементы выстроенной системы имеют компетентность ниже того уровня, который требует система, но это все-таки не бытовой уровень. Это некая компетентность, недостаточная для решения этих задач.

Теперь о подробном анализе терминологической путаницы и расплывчатости многих государственных программ и документов. В большинстве случаев соглашаешься с этой выявленной автором фактурой и вспоминаешь, как сам, читая документы, реагировал с большим раздражением именно на отсутствие определений, когда разные термины используются как один термин. С этим я согласен, а мысль зацепилась за слова «разработчики программ». По статье Евгения Васильевича, создалось впечатление, что это консолидированная группа, эти разработчики. А многие здесь сидящие представляют (и Евгений Васильевич сам, в первую очередь, имеет в этом большой опыт), что подобные программы пишутся несколькими группами и часто являются результатом

их борьбы, и взаимодействие нескольких групп выше и ниже стоящих. И главное, что это результат сложного компромисса, выбор приемлемого вместо оптимального. А терминологическая путаница с ее нечеткостью часто оказывается лучшим дипломатическим выходом из каких-то наметившихся тупиков взаимодействия разных групп. И бывает, что группа, отвечающая за свод, сознательно не исправляет разночтение в разделах одной программы.

Соглашусь с тем, что иногда путаница бывает и результатом обычной некомпетенции. Кроме того, мы привыкли к влиянию постмодернизма, которого у нас почти не было в конце прошлого века, а сейчас он тоже оказывает свое воздействие. Соглашусь с автором, что подобные эффекты, желательно резко уменьшить, чтобы повысить управляемость и эффективность таких программ.

Есть случаи, когда и с представленной фактурой не совсем соглашаешься. Приведу примеры из опыта нашего коллектива, решающего практические задачи в этой области. Наши специалисты непосредственно ощущают пульс инновационной системы, общаясь напрямую с ее элементами: вузами, институтами, инновационными подразделениями. Создавая базу данных мониторинга научных и инновационных организаций, им приходится решать как раз подобные проблемы и писать инструкции по отнесению организаций к тому или иному типу, их месту в структуре научно-технического комплекса. Термин использую привычный – «научно-технического». И если легко выделить технические и технологические подразделения на уровне предприятия, города, района, то на уровне области и края – это уже трудно разделимый научно-технологический комплекс, где из его сути переплетается научно-технологический и научно-технический комплекс. А уж на уровне субъектов Федерации и тем более. Границу тут провести трудно, т. к. создание технологий и техническая деятельность всегда присутствуют довольно близко, и наличие в структуре комплекса подразделений, решающих задачи создания новых технологий – это тот же научно-технический комплекс, та же научно-техническая деятельность, но усилен акцент на научные разработки и на создание новых технологий. И в этом случае в масштабах страны научно-технический комплекс может оказаться понятием более широким, чем научно-технологический, который составит только его часть, ориентированную на новое. Это рассуждение из наших практических дебатов, которые ведутся при создании этих баз данных. У Евгения Васильевича – наоборот, научно-технологический комплекс шире. Надеемся, что обсуждаемая статья поможет и нам, и, возможно, и наш опыт чем-то поможет Евгению Васильевичу.

Возьмем Ростовскую область, на примере которой видно, что при переходе на уровень субъекта федерации возникают все функции обычной отрасли. В ней и научно-технический комплекс огромный, и научно-технологический, и инновационный, и все это так связано и перепутано, что очень трудно отделять и классифицировать структурные элементы системы. Разница в системах управления научно-технологическими комплексами в таких регионах, как Ростовская область и в менее развитом

регионе, бывает настолько существенной, что без включения условий функционирования в свою классификацию нам трудно относить подразделения к соответствующим классам. Во многих регионах это просто и понятно: есть технологическая структура, и есть инфраструктура. А в сложных, где имеется как раз наибольшее продвижение в инновационной деятельности, там выбор метода разделения не является рядовой задачей.

В конце статьи Е. В. Семенова, в ее последнем разделе, есть обсуждение научной статьи А. К. Казанцева с соавторами, у которых, возможно, те же проблемы, что и у нас. Е. В. Семенов критикует их за то, что они условия хозяйствования, т. е. внешние условия включают в классификацию наряду с организациями, составляющими комплекс. Но и у нас, как я отметил выше, такая потребность возникает при решении практических задач, поэтому я о них рассказываю.

А если говорить о статье в целом, то, как я наблюдаю, и это подтверждают многие специалисты, с которыми я общаюсь, в последнее время сотрудники министерств всё меньше советуются со специалистами, хотя еще не так давно консультации были нормальным делом. Было бы полезно восстанавливать былой уровень взаимодействия и есть надежда, что статья Е. В. Семенова послужит этому процессу.

Балацкий Е. В.: Наивно.

Тугаринов И. А.: Мечты!

Изосимов В. Ю.: Валентина Викторовна, пожалуйста.

Лапаева В. В.: Я хотела бы повернуть наш разговор немножко в другое русло. Мне кажется, что обсуждение самих понятий – это предмет следующей статьи Евгения Васильевича (хотя его представления о понятиях, которые должны были бы быть сформулированы в программах, здесь вполне угадываются). Однако основной пафос этой статьи, на мой взгляд, заключается в том, чтобы продемонстрировать на конкретном (достаточно значимом) примере низкий уровень проработки нормативных документов, которые готовятся в Министерстве. Но мне, честно говоря, жалко больших усилий, которые были потрачены автором на то, чтобы доказать тот, уже в общем-то очевидный факт, что качество властно-управленческих решений в стране очень низкое. Это касается не только нормативных актов отдельных министерств или Правительства в целом, но также законов и судебных решений.

Причины такого положения дел автор видит в «ручном», т. е. бессистемном характере управления. Я бы эти причины сформулировала несколько иначе. Читая статью, я «зацепилась» за такую фразу: «Ситуативное по своей природе управление не нуждается в глубоких сущностных знаниях об объекте управления». Дело в том, что примерно такими же словами я рассуждала по поводу правовой позиции Конституционного Суда РФ, в которой определены критерии ограничения прав человека. Надо сказать, что это исключительно важная правовая позиция, поскольку гарантии прав человека определяются не столько самим каталогом этих прав, закрепленных в Конституции, сколько теми конституционными критериями, на которые ориентируется законодатель и

правоприменитель при ограничении этих прав. Конституционный Суд с опорой на европейский опыт (и здесь надо отдать ему должное) сформулировал правовую позицию, согласно которой при ограничении прав человека нельзя вторгаться в существо ограничиваемого права. Но поскольку у Конституционного Суда нет ясности по вопросу о существе, т. е. сущности, права (разные судьи придерживаются разных концепций правопонимания), то он применяет эту правовую позицию ситуативно. В одних случаях суд ориентируется на естественно-правовую доктрину, в других – придерживается юридического позитивизма советского образца. Таким образом, отсутствие ясно выраженных общих представлений по вопросу о сущности права дает суду простор для ситуативного решения правовых споров. Так же действуют и другие органы власти. Вот это словосочетание «ситуативное решение», на мой взгляд, лучше выражает тот смысл, который Евгений Васильевич вкладывает в понятие «ручное управление».

Другой недавний пример из этой же области. Я недавно тоже потратила много времени, разбираясь с законом о статусе депутата. Подтолкнуло меня к этому дело о лишении мандата депутата Гудкова. Я хотела понять, что именно в законе дает основание Государственной Думе своим решением лишать мандата того, кто был избран не Думой, а народом. Когда я вникла в этот закон, то была поражена его абсолютно несистемным характером, отсутствием элементарной логики в его построении. Но именно эта нелогичность и бессистемность закона и позволила использовать его «по ситуации». Очевидно, что такое положение дел совершенно не случайно, оно обусловлено не просто глупостью и некомпетентностью (хотя и этого хватает), а находится в русле интереса властных структур. Так легче достигать их главной цели – сохранения власти.

Поэтому для меня эта статья была очень интересна именно тем, что она заставляет задуматься о причинах того беспрецедентно низкого уровня компетентности, который так хорошо продемонстрировал автор. А дальше любой думающий читатель должен поставить вопрос о том, что делать. Как можно этому противостоять?

Можно опубликовать серию таких статей. Но они не будет прочитаны теми, кто принимает решения. Единственное, что здесь могло бы как-то кого-то задеть (мне понравилось, что выступавший передо мной коллега зацепился на фразе «разработчики программы»), это упоминание хотя бы фамилий министров, при которых были разработаны программы разного уровня и качества. Ну, хоть какое-то подобие персональной ответственности!

Можно написать докладную записку в Министерство. Но я, честно говоря, боюсь, что в Министерстве нет субъекта, который заинтересуется подобной постановкой вопроса.

Можно провести еще одно обсуждение в таком же или подобном составе. Но мне все это напоминает одни общественные слушания по избирательному законодательству, где кто-то хорошо сказал: «Мы с вами похожи на общество трезвенников, которые убеждают друг друга во вре-

де алкоголизма». Ведь все мы здесь присутствующие, согласны с тем, что качество властно-управленческих решений низкое.

Единственная надежда на улучшение ситуации связана с выходом на общество. Что надо делать? Надо содействовать созданию социальных институтов, которые могли бы быть посредниками между властью и наукой, потому что наука сама до власти не может достучаться. Мы уже много лет говорим о необходимости независимой научной экспертизы властно-управленческих решений. И что толку? Надо возрождать институты, которые могут осуществлять общественную (и прежде всего – научную) экспертизу этих решений. Надо находить какой-то бизнес, который проявил бы к этому интерес и как-то финансировал такие экспертизы. Надо выходить в публично-правовую сферу, обращаться в СМИ, искать точки соприкосновения интересов с другими общественными структурами. Именно в этом направлении развивается сейчас западная политико-правовая практика, в основе которой лежит набирающая силу концепция делиберативной (совещательной) демократии. Суть этой теории и практики состоит в выходе политики в сферу гражданского общества и в максимальном привлечении людей к решению всех вопросов, представляющих для них жизненно важный интерес.

Балацкий Е. В.: Да их никто не читает.

Лапаева В. В.: Читают.

Балацкий Е. В.: Не читают.

Лапаева В. В.: Ну, «Независимую газету» я имею в виду. Ну, читают, читают! Вот я по Гудкову написала в газету, я потратила много времени, но написала именно в газету и в журнал, но по журналу откликов не было, а по газете были.

Балацкий Е. В.: Со стороны «городских сумасшедших».

Лапаева В. В.: Но мы все равно должны как «городские сумасшедшие» сами что-то делать, понимаете. Можно ограничиться нашими этими обсуждениями. Ну, мало! Надо выходить за рамки, надо что-то делать! А что мы можем? Мы больше ничего не можем! Все равно надо что-то делать! То есть я хотела в заключении сделать акцент на вот этом слове – «ситуативное», оно более ключевое, и показать заинтересованность ситуативного управления. Потому что на самом деле за этой заинтересованностью еще и корыстные интересы стоят. Потому что в этой мутной воде, где нет ни целей, ни программ, ни стратегии легче не просто свой непрофессионализм скрывать, а, я бы даже сказала, криминальные интересы реализовывать, откаты и прочее.

Изосимов В. Ю.: Личностные.

Лапаева В. В.: Личностные.

Изосимов В. Ю.: Спасибо.

Семенов Е. В.: Специальные, назовем их так. Специальные.

Изосимов В. Ю.: Елена Юрьевна.

Островидова Е. Ю.: Я хотела бы сказать, что когда взяла статью и поняла, какой теме она посвящена, то я, можно сказать, испытала даже воодушевление. Потому что мы сами с этим сталкиваемся, сами грешим этой такой несистемностью использования терминологии. Вот

не далее как в совместной нашей коллективной работе мы пытались определить, что мы подразумеваем под научно-технологическим комплексом. И, в общем-то, мы это делаем практически каждый раз, когда пишем ту или иную работу, в зависимости от контекста. Включаем мы, не включаем инновационный комплекс, каким боком он сюда относится и т. п. Приходим иногда к такому соломоновому решению – вообще не давать определения. В общем, удивительно даже: проблема назрела давно, странно, что не было до этого такой вот системной статьи, такого анализа терминологии. В то же время понятно, что такая чехарда в терминологии связана с какой-то недодуманностью и некоей хаотичностью понимания данной проблемы.

Перечень вопросов, которые ставятся в статье, хочется продолжить дальше. Вот, в частности, возникает вопрос, почему у нас так устойчиво было раньше понимание научно-технический, научно-технический комплекс, почему наука и техника все время шли вместе, и почему сначала как бы о научно-техническом комплексе или политике речь шла? Наверное, потому, что техника, уровень развития техники в XX веке был чрезвычайно важен для страны, и в производстве техники научная составляющая имела большое значение. Но как же все-таки логичнее называть это комплекс? Мне кажется, что разница между научно-технологическим и научно-техническим комплексом, она в принципе очевидна в разнице понятий техники и технологии. И в этом смысле, мне кажется, что не совсем корректно говорить о том, что научно-технологический комплекс шире и поглощает научно-технический. Они, мне кажется, разные. Даже в статье об этом говорится: техника – это овеществленная технология. Научно-технологический комплекс, он не предполагает производства техники, в то время как, если строго подходить к научно-техническому комплексу, то в нем помимо производства технологий еще и производство техники должно быть. В то же время, мне кажется, что научно-технологический комплекс действительно более широкое понятие, потому что технологии необходимы не только для производства техники, но и для производства другой наукоемкой продукции. Для себя по крайней мере, я эту корректировку терминологии именно так понимала: что к науке присоединяется та часть, которая ближе к ней, т. е. разработка, доведение каких-то научных идей до определенной стадии внедрения в производство. В этом смысле мне ближе всего термин «сфера исследований и разработок» – он наиболее точно ограничивает рамки того, что мы исследуем или того, чем управляет Министерство.

Второй вопрос, который меня заставил задуматься: научно-технологический комплекс – система это или совокупность каких-то организаций? С одной стороны, элементы этой совокупности или этой системы, если мы все-таки признаем таковой сферу исследований и разработок, достаточно самостоятельны, но в то же время между ними есть взаимосвязи, и эти взаимосвязи разным способом проявляются. Скажем, публикационная активность, различного рода обсуждения, конференции, симпозиумы, семинары – все это тоже элементы взаимодействия, совместные проекты – тоже элементы самоорганизации или взаимодей-

ствия. Но в то же время, мне кажется, что система это или некая совокупность организации в большой степени зависит от государственной политики в сфере научно-технологической или научно-технической, как угодно. Это основные вопросы, не буду больше на каких-то еще вопросах заострять внимание. Хотела бы солидаризироваться с тем, что перед этим было сказано про «ручное управление». Мне тоже показалось, что «ручное управление», оно тоже может быть осмысленным, т. е. иногда оно, наоборот, может быть каким-то более сложным и возникает там, где невозможно довериться автоматике. А вот то, что оно «ситуативное», это скорее «бессистемное» управление. Мне кажется, что это точнее.

И последнее, что я для себя отметила, но Евгений Васильевич это снял: хочется в конце ответ получить на вопрос, что же такое научно-технологический комплекс, что под этим автор понимает? И это читается из комментариев, причем где-то достаточно определенных комментариев. Но я, когда взяла эту статью, думала: «Ах, ну вот, наконец, я получу ответ на этот вопрос». Пока я его не получила, но, очевидно, это будет сделано в следующей статье.

Семенов Е. В.: Растянем удовольствие.

Изосимов В. Ю.: Пожалуйста, Ирина Евгеньевна.

Ильина И. Е.: Безусловно, я хотела бы отметить, что это критическая статья, которая поднимает глобальную государственную проблему. Управление, прежде всего на нормативно-правовом уровне представляет собой передачу информационных потоков на нисходящие уровни, включающие цели, задачи, стратегии и планы государственного значения. Степень их реализации зависит от интеллектуального уровня, а также владения и понимания терминологического аппарата не только исполнителями составляющими документы, но и самими заказчиками, генерирующими исходные идеи. Проблема заключается в том, что люди могут иметь в виду одно, но называть это несоответствующим термином, и как следствие получается смысловой и терминологический хаос. Мы говорим, прежде всего, об исполнителях и разработчиках, которые пишут и формируют нормативные проекты. Как правило, документ, охватывающий различные направления формируется одновременно рядом групп, представляющих соответствующие отрасли. Проблема заключается в том, что группы не постоянны, имеют свое субъективное представление об алгоритме достижения поставленных целей, не всегда совпадающее с коллегами, как по вертикальной, так и по горизонтальной линиям. Для решения данной проблемы автор статьи в некоторых моментах подчеркивает необходимость применения системного подхода с целью приведения в соответствие понимания объекта управления и его декларирования в нормативно-правовых документах.

Хотелось бы отметить, что, действительно, элемент системности или системный подход предполагает исследования и разработку не любых объектов, произвольно называемых системами, а таких, которые представляют собой органическое целое. Т. е. системы должны быть взаимосвязаны и связи между этими системами должны быть логичными. Любой подход к решению проблемы управления – это способ основания

методологии решения. Евгений Васильевич обозначил проблему, раскрыл ее, следующим этапом, как и обещал автор, должны быть предложены авторская концептуальная понятийная система исследуемого объекта и пути решения данной проблемы.

Выход на общественность с обсуждением данной проблемы – это очень серьезный шаг, предполагающий значительные риски, прежде всего для того, кто занимается и является организатором этого процесса. Но, тем не менее, это необходимо, так как других выходов в создавшейся политической ситуации, наверное, и не предусматривается. Безусловно, данный способ решения проблемы с одной стороны не является радикальным, но с другой – именно в процессе дискуссии формируется общественное мнение, точка зрения и, соответственно, выстраивается логическая цепочка действий по реализации определенных целей.

Для себя я почерпнула очень многое в этой статье. Прежде всего, здесь четко выделяется иерархия научно-технологического компонента: сфера, политика, комплекс и т. д. Безусловно, в связи с постоянно изменяющимися условиями нужно постоянно уточнять понятийный аппарат. Раньше были словари, куда можно было заглянуть и посмотреть, что из себя представляет то или иное понятие. В настоящее время нет четкой сформированности понятийного аппарата научно-технологического, научно-технического и инновационного комплексов, отсутствует их четкая структура, иерархия, взаимосвязи в понимании общества и государства. Множество имеющихся определений достаточно субъективны и, как правило, не отражают всей сущности объекта. Исследуемая проблема очень актуальна как для государственных деятелей, так и для простых обывателей. Для того, чтобы написать какой-либо документ нужно, прежде всего, знать объект, о котором вы пишете, знать конечную цель. А когда мы не оперируем понятиями того о чем мы пишем, соответственно, очень сложно в итоге описать то, чего мы хотим достигнуть. Спасибо за внимание.

Изосимов В. Ю.: Спасибо. Пожалуйста, Владимир Петрович.

Ващенко В. П.: В одном из выступлений на нашем «круглом столе» была отмечена жесткость, с которой автор обсуждаемой статьи, Евгений Васильевич Семенов, оценивает в рассматриваемых им документах терминологическую чехарду, а также случаи некорректного использования тех или иных определений и понятий. Я полагаю, что отмеченная жесткость и критические оценки могли бы быть усилены в части определения причин, порождающих столь низкое качество анализируемых автором обсуждаемой статьи документов.

Это, прежде всего, непрофессионализм их разработчиков (чиновников – «менеджеров») и полное непостижение ими сути, комплексности и системности рассматриваемого предмета (процесса). Отсюда манипулирование терминами при отсутствии понятийного и системного анализа, а также та чехарда, которая в статье подробно и всесторонне описана.

Важен еще один момент, который в явном виде Евгений Васильевич не подчеркивает в статье, а я считаю, надо было бы это сделать. Это касается директивных документов и законопроектов, которые рождены

не только в Минобрнауки, но и, например, в Минэкономразвития и в других ведомствах. Их сравнение показывает, что они совершенно не согласуются между собой. Они часто противоречат друг другу, один и тот же предмет трактуют по-разному, и, опять же, демонстрируют непостижение сути предмета. Эти документы, как следует из реальной практики, не работают, и они к управлению, говоря в строгом смысле (Евгений Васильевич это показывает), не имеют отношения. Из всего этого следуют и серьезные организационно-политические моменты, как, например, место и роль науки в технологическом и инновационном развитии. Глубоко ошибочно представление, что главным объектом инновационной политики должна быть наука, которую не только обязывают производить научно-технологические продукты (инновационные ресурсы), трактуемые как инновации, но, в соответствии с политикой, еще и делают ответственной за их внедрение, коммерциализацию и трансфер.

Науку сегодня обвиняют в том, что она недостаточно взаимодействует с бизнесом, не занимается коммерциализацией своих результатов. Науке нужны задачи, идущие от бизнеса, а не наоборот. Мы же в их отсутствии обвиняем саму науку. Ну, какое тут может быть, действительно, управление?

Евгений Васильевич в конце статьи (6-я часть), очень точно говорит по поводу труда группы авторов, который опубликован ЦИСН. Он дает жесткую и совершенно правильную критическую оценку этому труду. Авторы этого труда, ЦИСНовцы, разрабатывают его в то время, когда ЦИСН публикует перевод третьего издания «Руководства Осло». К сожалению, они не удосужились прочесть этот документ. В предисловии к русскому изданию отмечается, что «В основе Руководства лежит очевидная логика: прежде чем приступать к измерению явления, необходимо постичь его суть. О том, что это является непростой задачей, свидетельствует и российская практика». И далее «…сегодня, как никогда важно найти взаимопонимание хотя бы на терминологическом уровне». Действительно, важно. Уже более 10 лет мы безуспешно декларируем необходимость инновационного развития экономики, так и не постигнув суть понятия «инновация».

Еще одним важным моментом является то, что в тексте Руководства указывается: «Для разработки надлежащей политики поддержки инноваций необходимо глубокое понимание нескольких критических аспектов инновационного процесса, таких, как отличие инновационной деятельности от исследований и разработок (ИР)».

К сожалению, следования указанным рекомендациям о необходимости «постичь» и иметь «глубокое понимание» мы не обнаруживаем в наших теории, политике и практике. И не только ЦИСНовцы, но и чиновники Минобрнауки себя этим не утруждают.

Авторы рассматриваемого труда исходят из того, что инновационная политика и научно-техническая политика, или научно-технологическая политика – это одно и то же. Евгений Васильевич по этому поводу совершенно справедливо говорит: «предложенное авторами понимание представляется мне в корне ошибочным. Национальная инновационная

система состоит не из научно-технологического комплекса и научно-технологической политики, а совсем из других подсистем».

Наконец, ручное управление, о котором сегодня также идет речь, является показателем отсутствия системы, а то, что мы называем системой – это не система. Было бы полезно провести системный анализ документов, которые разные ведомства выпускают на близкие управленческие темы, показать и сравнить, как они между собой соотносятся – это просто удивительно, потому что они никак между собой не соотносятся и не взаимодействуют.

И последнее, обсуждаемая нами статья обязательно требует продолжения и расширения.

Изосимов В. Ю.: Спасибо.

Балацкий Е. В.: У меня есть несколько тезисов в контексте обсуждаемой статьи. На мой взгляд, она написана таким образом, что по большому счету дискутировать не о чем в том смысле, что все написанное верно. В статье действительно хорошо раскрыты логические коллизии нормативных актов о науке, сделаны все необходимые ссылки, выдержан академический стиль. Однако по прочтении статьи все-таки возникает некоторая неудовлетворенность. Евгений Васильевич только что отметил, что эта статья является куском книги, а в книге, по-видимому, было развитие вопросов, обозначенных в статье. В самой же статье этого продолжения нет, и возникает ощущение обрубленности темы: фактически автор только начал ее, сделал первый шаг и на этом остановился. Это лишь введение в проблему. В связи с этим в развитие начатой темы я хотел бы поднять несколько вопросов.

Во-первых, я не согласен почти со всеми сидящими здесь по основному пункту. Все обсуждение вращается вокруг понятий и определений – что нам понимать под техникой, технологией, технологическим комплексом и т. п. Но это все на самом деле вторичные вещи. Теперь представьте себе, что пришел некий разработчик, который гениально описал все упоминавшиеся понятия, системно увязал их между собой. Что поменяется? Можно все понятия прекрасно определить, но продолжать столь же бездарно осуществлять процесс управления научно-технологическим развитием страны и наоборот – можно кое-как определить ключевые понятия, но на практике действовать на редкость эффективно. На мой взгляд, чрезмерное увлечение определениями и классификациями является признаком интеллектуальной импотенции – время Карла Линнея давно закончилось, нужны более конструктивные исследования. Нужно разрабатывать методы управления и проводить их в жизнь. Мы стоим как раз на стадии реализации управленческой политики, но при этом продолжаем обсуждать определения, которые мало что дают.

Во-вторых, мы слишком большое значение придаем нормативным документам. Кому нужны все эти концепции и программы? Кто по ним живет? Более того, сегодня в мире уже есть понимание того, что нормативные документы не справляются с современными вызовами и проблемами. В своей последней книге «О Китае» Генри Киссинджер прямым текстом говорит о том, что политические проблемы юридическими

методами не решаются; попытка упорствовать в этом ведет к усугублению многих проблем. А итальянский политолог Данило Дзоло в книге «Демократия и сложность» пишет о шоках сложности, захлестнувших современный мир и разрушающих демократию. Иными словами, правовая система уже не справляется со сложностью, которая присуща современному миру. В свою очередь сложность порождает повышенные социальные риски, которые надо понижать, а это ведет к разрушению демократии и установлению тоталитарных режимов, в которых будут возникать всевозможные формы ручного управления. Таким образом, нарастание роли ручного управления происходит повсеместно и в этом смысле Россия идет в русле общемирового управленческого тренда. И никакими нормативными документами это не исправить.

В-третьих, не стоит слишком сильно ругать методы ручного управления как таковые. На мой взгляд, вторым важным источником феномена ручного управления является историческая традиция России, состоящая в чрезмерной централизации управления. В любой организации решения принимает только первое лицо; даже заместители директора в этом институте и проректоры в огромных университетах никаких решений не принимают. Как правило, они лишь доносят те или иные вопросы до первого лица. Также обстоит дело и в масштабах всей страны. Я убежден, что если все нормативные документы о технологическом развитии выкинуть на помойку, то ничего не произойдет – все останется по-прежнему. Почему? Потому что все эти документы, в конечном счете, отыгрывают позицию, которая задается первым лицом; в эти документы закачиваются идеи первого лица и в этом смысле сами документы вторичны. А тогда каким может быть управление в подобной ситуации? Возможна ли обезличенная эффективная система правосудия и справедливости? Нет. Тогда будет ручное управление. Если не убрать чрезмерную централизацию принятия решений, то ручное управление тоже будет сохраняться. Но главное в этом вопросе состоит в другом – само ручное управление может быть эффективным и неэффективным. Например, при И. В. Сталине ручное управление было суперэффективным, страна демонстрировала экономические чудеса. Сегодня ручное управление неэффективно, ибо страна с каждым годом теряет экономические позиции. Поэтому здесь опять-таки важна практика реализации основных установок.

В-четвертых, не следует переоценивать роль науки и теоретических изысканий в системе управления. У Евгения Васильевича в статье методично отрабатывается тезис о том, что современные чиновники не используют науку, обходятся без теории. Это понижает интеллектуальный градус всех нормативных документов. Да, это так. Но, Евгений Васильевич, могу Вас уверить, что они точно также не используют и практический опыт, что еще хуже, ибо это наносит еще больший вред. Типичный пример – Министерство образования и науки РФ ввело пять показателей оценки эффективности вузов. Если вы начнете их разбирать, то быстро обнаружите их глубинную порочность. Результат – все эти показатели настраивают вузы на совершенно убогие стратегии развития. В данном случае регулятор не учитывает уже не теорию, а практику; он просто

отыгрывает некие задачи, поставленные сверху. А задача простая – сократить сферу высшего образования. А для этого любые показатели хороши.

В-пятых, не стоит уповать на роль общественности. Здесь предлагалось написать об ошибках в нормативных актах в газету. Но газеты сегодня уже почти никто не читает, за исключением так называемых городских сумасшедших. Кроме того, голос общественности властью давно игнорируется. Если же общественность слишком сильно начинает буянить, то ее, как правило, быстро усмиряют. Поэтому все зависит от управленческой элиты. Если она не поменяется, то ничего не изменится. Ибо силой, способной подавлять оппортунистические выступления и проводить идеи в жизнь, обладает только управленческая элита. До тех пор пока в рядах элиты не возобладают иные идеи и установки, до тех пор мы будем анализировать ее мелкие просчеты в нормативных документах.

Лапаева В. В.: А возобладают ли эти иные идеи и установки у управленческой элиты?

Балацкий Е. В.: Это вопрос эволюционный. Но если Вы будете писать на Интернет-форумах, в газетах, которые никто не читает, элита все это пропускает мимо ушей. И мы знаем, что не только об этом открыто пишется, что преступления обнародуются, и это все игнорируется. Вопрос только в управленческой элите. Если она не поменяется, все будет оставаться так же. У меня все, спасибо.

Изосимов В. Ю.: Спасибо, Евгений Всеволодович.

Лапаева В. В.: В прозвучавшем сейчас выступлении было затронуто несколько тем, по которым я хотела бы коротко высказаться.

Во-первых, по поводу понятий как предмета исследования. Понятие свидетельствует о культуре мышления. Еще Конфуций говорил, о необходимости «выпрямления имен», о желании и умении «называть вещи своими». Евгений Васильевич мог взять любой срез для демонстрации интеллектуального уровня документов. Он взял понятийный и, по-моему, правильно сделал, потому что это исходный уровень анализа любой проблемы.

Что касается рассуждений выступившего сейчас коллеги о том, что усложнение современной социальной системы порождает некий тренд на авторитаризм, то с этим нельзя согласиться. Тренд как раз в другом. Я упомянула о так называемой совещательной демократии именно потому, что это и есть основной тренд. Он заключается не в ограничении, а, напротив, в расширении демократии с учетом новых социальных и технических возможностей, которые есть у современного общества. Сейчас демократия на Западе переживает качественно новый этап. И надо встраиваться в эту тенденцию, а не возвращаться к авторитаризму. Если же считать, что авторитаризм неизбежен, то следует согласиться и с неизбежностью «ручного управления» социальными процессами. Но наша страна тоталитарную и авторитарную модели (со всеми присущими им механизмами «ручного управления» разной степени жесткости) уже отработала полностью. Эти модели не эффективны. Выход из ситуации надо искать в направлении демократизации.

Балацкий Е. В.: Это совершенно не так.

Лапаева В. В.: Ну хорошо, я не буду об этом спорить. То о чем я говорю, на самом деле, вещи очевидные. Обращаться к общественности это единственный наш ресурс. Другого ресурса нет. Ждать, что элита поменяется сама, это странная позиция. Причем ротация элит это признак демократии. Демократия там, где элита ротируется. А ротируется за счет чего? За счет усилий общества. Если не будем этих усилий прилагать, они никогда не уйдут, потому что вся политика, в т. ч. в области науки, выстроена на том, чтобы сохранить власть. Вот мотив. В этой мутной воде неразберихи, которую они выстраивают, им легче сохранить свою власть. На это они работают. А общество должно работать на другое. Во всем мире это так и работает. И нужно все общественные институты всячески поддерживать. Что можем, то и делаем. Вот и все. Можем обсудить и написать в газету. Пойти на выборы голосовать.

Балацкий Е. В.: Это можно, но это не решит проблему

Лапаева В. В.: Для чего же мы здесь собрались?

Балацкий Е. В.: Это другой вопрос.

Островидова Е. Ю.: Жить надо по понятиям.

Изосимов В. Ю.: Я тоже хотел бы поделиться несколькими мыслями. Евгений Всеволодович сорвал у меня с языка первую из этих мыслей, с которой я хотел начать. Евгений Васильевич в статье проанализировал стратегические документы в нашей сфере и на этом примере продемонстрировал низкий уровень проработки даже важнейших государственных документов. Однако я хочу сказать, что другими они просто не могут быть. Какова роль этих документов в системе управления научно-технологическим комплексом, каково их место в системе управления государством? Их роль стремится к нулю, за исключением, пожалуй, ФЦП. Предположим, что был бы подготовлен качественный системный документ. Что бы изменилось? Ровным счетом ничего. Поэтому разработчики таких документов исходят из иных целей. При этом есть цели формальные и реальные. Наш институт недавно разрабатывал подобный документ. Какую при этом цель мы преследовали? Формально – повышение эффективности. В реальности – совершенно другую – нам нужно было создать документ, который бы прошел все согласования в многочисленных инстанциях. При этом каждая из этих инстанций вносила какие-то изменения в документ. Если ли бы мы написали этот документ, как он нам видится, то он был бы совсем другим. Но перед нами стояла цель сделать документ, который будет принят. И он принят. Удовлетворены мы качеством документа? Не очень. Но я уверен, что дальше в него мало кто заглянет. И, как правильно говорил Всеволод Васильевич, дальше деньги, предусмотренные документом, будут выделены и распределяться они будут, исходя из каких-то иных целей – вполне возможно, хороших и правильных. Это по одной из проблем, затронутых в статье.

Вторая проблема – востребованность научного видения, интеллекта, профессионализма в системе управления научно-технологическим комплексом. Видится, что проблема есть. И мне кажется, что эта проблема

носит системный характер. Она относится не только к нашей сфере, но к системе государственного управления вообще. Интеллектуальный уровень системы управления снижается. Я думаю, что это происходит не по какому-то умыслу, а из-за того, что принятие решений происходит изолированно, вне какой-либо связи с профессиональным и интеллектуальным уровнем управленческой среды. Более того, неуклонно падает профессионализм практически во всех сферах деятельности. Вы не обращали внимания на последние авиакатастрофы? Что называется в качестве их причин? Человеческий фактор. Даже если причиной является техника, все равно в основе этих технических проблем лежит все тот же человеческий фактор. Эта проблема, на мой взгляд, очень интересна. Почему система управления, государство, общество не заинтересованы в профессионалах? Но это отдельная проблема. И последнее, что хотелось бы сказать в связи со статьей. В заключение статьи Евгений Васильевич говорит о необходимости для выживания страны возрождения науки и возвращения в систему управления специалистов. Мне кажется, что в упомянутых условиях падения профессионализма во всех сферах деятельности, без системных изменений это невозможно.

Островидова Е. Ю.: Они вымерли.

Изосимов В. Ю.: Да, это, во-первых. И, во-вторых, как показала практика, социализм в отдельно взятой стране не удалось построить. И вряд ли в системе управления нашей сферой, комплексом может быть что-то резко отличающееся от системы управления экономикой и государством в целом. Все.

Лапаева В. В.: А вы заметили, что те, кто имеет власть, уже давно деньги и семьи из страны вывозят?

Изосимов В. Ю.: Заметил.

Лапаева В. В.: Вот. Здесь им не нужны профессионалы.

Изосимов В. Ю.: Я с Вами согласен. Но я так же думаю, что каждое общество имеет ту власть, которую заслуживает.

Лапаева В. В.: Понятно. Но общество должно что-то делать.

Изосимов В. Ю.: Должно, но если ничего не делает, значит заслуживает. Я вот о чем.

Лапаева В. В.: Но мы тоже общество.

Балацкий Е. В.: Кстати, в экономике это все обсуждается. Сейчас много разных концепций. Дуглас со своей концепцией вылезает. Он тоже как бы в пику всем идет. Все говорят: «Мы должны построить эффективную экономику». А он говорит: «бред собачий!». Какая эффективная экономика? Вы сначала мир обеспечьте. Так вот, в любых переходных системах, а Россия как раз и была такая после разрушения, сначала надо обеспечить мир. Мир между кем? Мир между элитами. Силовыми, властными, которые обладают силой. Например, Чечня. Типичная элита, мощная когорта, которая отсасывает на себя ресурсы. Чтобы с ней замириться, туда просто заливают колоссальные деньги. А если бы не замирилось, то просто была бы бесконечная война. Вот это номер один. Понимаете? Сложное общество. Поэтому власть – это, прежде всего, эволюция элит. И когда люди, такие как мы, не имея никаких ресурсов,

будут «чирикать» на улицах или в каких-то газетах или журналах, то это можно делать столетия, и ничего не изменится. До тех пор, пока не сложатся эти элиты, которые окажутся в некотором равновесии, и когда произойдет окончательное деление пирога, и элита не начнет обрабатывать каждая свой пирог и наводить эффективность в своем пироге, до этого момента мы будем получать документы, где будут никому не нужные определения и т. д.

Борисов В. В.: Можно добавить? Мне по возрасту пришлось наблюдать процесс формирования элит. В самом положительном смысле. Это было связано и с атомным, и с космическим проектом. Процесс формирования элит может быть положительным, успешным, а может быть неуспешным. Вы говорите, что какие элиты есть, с ними и имеете дело. И не надеетесь на то, что будут сформированы какие-то другие. А мне кажется, что процесс формирования элит все-таки имеет важное значение.

Балацкий Е. В.: Всеволод Васильевич, Вы не наблюдали элиты. Вот в чем дело. Потому что, когда Вы наблюдали то, что Вы называете формированием элит, это другое, это формирование культуры управления, а элита, когда уже пришла, подавила все оппортунистические движения. Коммунисты пришли и подавили все. Они победили. В этот момент победила некая элита. Дальше начитается созидательный процесс.

Борисов В. В.: Академия наук?

Балацкий Е. В.: Академия наук – это вторичная вещь.

Борисов В. В.: Это сейчас.

Балацкий Е. В.: А сейчас, посмотрите, что происходит. Все показатели нелепые. Почему они нелепые? Особенно в отношении вузов. Я это сам вижу. У меня огромный вуз. Он сейчас борется за выживание. Неизвестно будет, в сентябре или нет. Это гигантский вуз, которому 95 лет, и он стоит на грани исчезновения. Более того, наш вузхотел присоединить к себе другой вуз, где было 2 тысяч студентов, а у нас 20 тысяч, и нас присоединяют к нему. Нелепая вещь. А почему этот процесс идет? Что, все дурачки в области управления? И не понимают? Нет! Что, люди некомпетентные? Нет! Идет перераспределение богатства. Очередная новая волна. Идет передел элит. Вот и все. И ни о каком разумном управлении в этих условиях не стоит говорить. Наоборот, все эти показатели, которые вводит Министерство, все люди, работающие в этой системе, знают, зачем они: для того, чтобы неугодные вузы ту же прижать и с ними разобраться. Вот и все. Это своего рода инструмент проведения любых, так сказать, своих интересов. Но до тех пор, пока все это расхватывание не прекратится, не начнется позитивный процесс. А мы в данном случае заложники и мы ждем. А сил у нас нет, чтобы это все изменить.

Ващенко В. П.: Евгению Всеволодовичу маленький вопрос. Он из той системы, которая сегодня является исключительно показательной. Вы говорите насчет элит. Все что происходит в высшей школе сегодня – это ужас, и он определяется все вузовской элитой. В этом Вы абсолютно правы. И Вы посмотрите, что делается в системе ректоров России. Это элита. Совет ректоров Москвы, что он делает? И получается: он не про-

сто ничего не делает. Он благословляет все то, что высшая школа переживает. Можно ли это изменить?

Балацкий Е. В.: Вы говорите, Совет ректоров. И в Ваших словах звучит, что Совет ректоров что-то может. Знаете, что сказал министр, встретившись с ректором. Он сказал, что есть указ президента о сокращении, и мы его должны выполнять. И мы его выполним. И, посмотрев на ректора, добавил – либо с Вами, либо без Вас. И они все поняли. Кто будет против – заменят, и все. Вот о чем речь. И вот эти определения, они неправильные, они неверные, они смешные. И когда читаешь статью, отчасти забавно становится, как это все перепутано. Но не они решают. Понимаете?

Лапаева В. В.: Недавно в газете опубликовали зарплаты ректоров. Открыли для общественности и правильно сделали. Там очень интересные вещи. Их устраивают такие зарплаты: несколько миллионов рублей.

Балацкий Е. В.: А почему у них такая система? А потому, что безумная централизация. Вуз – это и есть ректор. Он решает все вопросы. Ни один проректор ничего не решает. Он приходит к ректору и доносит вопрос, а тот решает. Это главный разводящий всех вопросов. Если Вы посмотрите на западные вузы, там коллегиальное управление, у нас его просто не существует вообще.

Лапаева В. В.: Привлечение общественности к управлению.

Балацкий Е. В.: Не общественности какой-то абстрактной, а сам вуз участвует в распределении, все факультеты участвуют в распределении средств. А здесь в принципе невозможно. А у нас такая система, и это статус-кво никто не разрешит нарушить. Кто нарушит?

Лапаева В. В.: А кто-то пытался?

Балацкий Е. В.: Как Вы нарушите? Министерство на это не пойдет. Ректоры не заинтересованы в этом. Как Вы будете нарушать?

Лапаева В. В.: Ректоры не заинтересованы?

Балацкий Е. В.: Естественно, вы хотите у них полномочия отнять.

Лапаева В. В.: Есть преподаватели, которые заинтересованы, которые на 10 тысяч сидят.

Балацкий Е. В.: Идите, бастуйте!

Лапаева В. В.: Вот они скоро и пойдут!

Балацкий Е. В.: И Вы знаете, чем это закончится?

Лапаева В. В.: Посмотрим. Чем-нибудь не таким, как Вы думаете. Зарплаты опубликовали, и это первая часть давления. Понимаете? Коллектив 10 тысяч получает, а ректор – несколько миллионов. А ранее это вообще скрывалось.

Балацкий Е. В.: Эволюционный процесс – через 50 лет будет нормально.

Лапаева В. В.: Пораньше бы!

Островидова Е. Ю.: Тогда и смена элит ничего не даст. Новая придет, и она тоже заинтересована во власти.

Сергеева В. В.: Сама ручная система, возможно, могла бы быть полезна в каких-то определенных случаях. Но вопрос заключается в том,

кто осуществляет эти решения? И это возможно даже не от уровня зависит (уже говорилось о командах разработчиков, об уровнях принятия решений). Меня, действительно, очень волнует проблема: почему настолько вытеснен профессионализм и, действительно, не потому ли, что это кому-то выгодно или не выгодно – определенным элитам, а вот это общественное настроение или какая-то направленность и отсутствие мотивации какой-то внутренней у людей – может быть, вот в этом дело?

Лапаева В. В.: Профессионализм у нас не оплачивается.

Балацкий Е. В.: В дополнение к сказанному. Сейчас есть такие западные теории: институциональные, красивые. Я одну прочитал в последнее время – это Бертон Кларк, британец. Он, как раз, описывает опыт успешных университетов Запада. Интересно, что он – экономист, а такое понятие вводит как «институциональная воля», и, если этого нет, то вообще ничего не происходит, понимаете? А вот этой институциональной воли в России в принципе нет.

Изосимов В. Ю.: А ее носителем кто является?

Балацкий Е. В.: Университет не может существовать так, как он есть. На Западе все университеты на две части разделены: стагнирующие/деградирующие, которые умирают и те, которые преуспевают. Те, которые преуспевают, они отвечают на вызовы времени, себя перестраивают полностью. Вот это умение себя перестраивать – это волевые акты, причем коллективные. Если этого нет в этой среде, этой культуре, то все: ничего никогда не будет в принципе… до тех пор пока это не вырастет. Этого сейчас нет.

Ващенко В. П.: А есть ли в России хоть маленькое приближение к тому, о чем вы говорите?

Балацкий Е. В.: Есть.

Ващенко В. П.: Есть? Значит, все-таки, есть?

Балацкий Е. В.: В специфическом виде, но есть, да.

Ващенко В. П.: Ректоры там ведут себя не так? Не так, как в той классической системе, о которой вы рассказали? Ректор, во-первых, опирается на свой актив вузовский, действует он не волевым образом, а именно так…

Балацкий Е. В.: И волевым тоже.

Ващенко В. П.: И волевым, понятно.

Балацкий Е. В.: Нет, есть примеры, но они просто не образуют критической массы.

Островидова Е. Ю.: Какие примеры?

Балацкий Е. В.: Пожалуйста, посмотрите, что с Высшей школой экономики сделалось. 20 лет она существует. Во что она превратилась.

Ващенко В. П.: Это ужасно…

Балацкий Е. В.: Не ужасно, не ужасно. Я вижу, как там воля вот эта работает. Понимаете, воля, просто, она как бы поджимает всех людей, заставляет работать так, как надо. Вот, хотите – не хотите, но, да: вы будете публиковаться… Вот, я сейчас сделал рейтинг вузов экономических: Вышка не просто на первом месте – с огромным отрывом. Потому что все журналы забиты их статьями. Кузьминов разработал систему преми-

рования – очень действенную. Если ты не публикуешься, тебя начинают третировать. Такого, как там, нет нигде. Сейчас у них уже следующий этап: они выходят на внешние рынки, на международный уровень. Это просто Кузьминов своей волей…

Лапаева В. В.: Но его воля еще подпитывалась финансами хорошими!

Балацкий Е. В.: Так это тоже воля, что он выстраивал это все.

Лапаева В. В.: Да, но не только его усилиями!

Балацкий Е. В.: Естественно! Но опять: он кооперировался, он выстраивал, он это делал, понимаете? А есть масса ректоров: просто сидит и просто бюджет в свой карман перераспределяет – и все. А мы ждем, что там что-то будет.

Изосимов В. Ю.: Так, коллеги, мы немножко по кругу пошли. Может быть кто-то хочет о чем-то другом сказать, вернуться к статье?

Тугаринов И. А.: Последняя реплика… Когда я прочитал статью Евгения Васильевича, у меня была первая реакция: «все-таки, все не так плохо», потому что в России всегда несовершенство законов компенсируется их неисполнением. И то, что эти программы написаны несовершенно, они и исполняются совершенно иначе, независимо от того, что там написано…

Изосимов В. Ю.: Просто они сами по себе, жизнь – сама по себе…

Тугаринов И. А.: Это старый принцип именно нашей страны.

Семенов Е. В.: Несовершенство этим не компенсируется. Строгость, действительно, может чрезмерная строгость, законов компенсируется необязательностью их выполнения. А вот несовершенство, необязательность выполнения только усугубляет, на мой взгляд. Это Салтыков-Щедрин, действительно, изрек дальновидно.

Изосимов В. Ю.: Дадим тогда слово Евгению Васильевичу. Это я к тому, что, может быть, все-таки, кто-то что-то хочет еще сказать?.. Тогда, Евгений Васильевич, пожалуйста.

Семенов Е. В.: Дискуссия получилась даже более масштабная и разноплановая, чем я рассчитывал. Я ожидал, что мы будем очень расходиться в разные стороны. Совсем тезисно буду отвечать только на обсуждение именно статьи и непосредственно темы статьи, а не на очень широкий фон дискуссии. Большой круг высказываний связан с соотношением научно-технического и научно-технологического при характеристике комплекса, потенциала, сферы, политики и т. д. Не по каждому высказыванию, а обобщенно некоторые вещи скажу.

Насколько я понимаю, в Советском союзе доминировала связка «наука и техника», а не «наука и технология». Это выражалось во всем. Многообразно. В том числе, тот процесс, который мы считали для себя основным, прогрессивным процессом, назывался у нас научно-техническая революция – НТР. На Западе уже в это время этот процесс даже до упоминавшегося руководства Фраскати назывался технологической революцией. И это две разных традиции. Можно сказать, они равноправные, но, с моей точки зрения, они не равноправные. Одна из них оказалась в конкурентом плане более перспективной. Потому что технология – это,

действительно, (то, что сказал Всеволод Васильевич) не просто способ деятельности, это весь процесс, который поглощает технику. Это понятие более широкое, эта система более широкая, и этот подход более системный и адекватный природе объекта. Поэтому то, что сейчас у нас стихийно осуществляется дрейф в сторону западной терминологии – отчасти это от нашей растерянности – разгромленная армия так отступает, просто подражает и т. д. Но отчасти мы, действительно, возвращаемся в какое-то более глубокое русло реки с какого-то мелководья, по которому пробовали до этого плыть. То есть мы и здесь проиграли, но, с моей точки зрения, интеллектуально тоже проиграли. И мы переходим на эту терминологию, на мой взгляд, закономерно. И в советское время использовалось основное понятие – там техника была основным – и в узком, и в широком смысле. Именно так это и называлось. И сейчас применительно к технологии это тоже следует, на мой взгляд, делать. То есть технология – собственно технология, и технология – в расширительном смысле, когда она поглощает и технику. Поэтому, я считаю, такие словосочетания, как научно-технологическая (применительно к политике, к потенциалу, к комплексу, к сфере) более адекватными природе самих процессов и самих объектов. Не только из-за того, что они приняты на Западе и поэтому используемы и нами, хотя и это соображение имеет значение, потому что наука все равно едина – она всеобщая. И какая-то провинциальная наука вряд ли продиктует мировой науке свой, в чем-то, может быть, и оригинальный, но очень местный взгляд.

Я согласен с тем, что анализ документов – это говорила Валентина Викторовна – возможно, даже избыточный. Какие-то вещи и так ясны. Но мы приучили себя к оперированию недостоверным, недоказанным, непроанализированным. Это все время проявляется. Евгений Всеволодович, например, говорит: «Вы же видите, во что превратилась Вышка». И все говорят: «Да, видим!». А на самом деле, по-разному видим. А во что превратилась Вышка? Или говорят: «Я о состоянии науки говорить не буду, оно вам всем известно». А какое оно? Кому и что известно? Это, как раз, вытеснение собственно науки, культуры понятийного мышления – одна из форм вытеснения науки агрессивным, обыденным, публицистическим по стилю мышлением. Это как чиновничья форма обыденного сознания, только шустрая, бойкая, назойливая, но не глубокая.

Я не считаю, что единственным субъектом являются элиты или классы. Такой ход мысли уже был. Субъектами процесса являются и культура, и разум, и нравственность, разумеется, в лице их носителей. Мы видели советский опыт – его надо осмыслить вообще, не в виде ругательств, а в виде того: что же это было? Что же произошло? Это и было непонимание того, что разум, вообще-то говоря - это важно, нравственность – это важно, культура – это важно; что кроме интересов элит, классов есть другие субъекты, другие силы, другие демиурги исторического процесса.

С моей точки зрения, удивительно «смелый», отчаянный пессимизм: «Да мы же знаем, что ничего не получится, да мы же знаем, что наука погибла» – удивительным образом сочетается с совершенно холуйским

конформизмом и пассивностью. «Мы знаем, что ничего не будет, поэтому и делать ничего не надо». Это связанные вещи. Мне понятно, что есть интересы, есть умыслы, но совершенно не все беды объясняются плохими умыслами, корыстными интересами, коррупцией и т. д. Очень многие наши беды объясняются технической неграмотностью. Если нам сейчас сказать: «Давайте Вы, без этих умыслов и без этих интересов сделаете, как следует». А выяснится, что нам, как Елена Юрьевна сказала, придется по каждому поводу заново разрабатывать какие-то основы. У кого-то уже давно есть «Руководство Фраскати» и «Руководство Осло», а нам и эти руководства не указ, и своего мы не делаем, его просто не существует. То есть откроется какое-то окно возможностей, и интеллигенция останется со своим смелым пессимизмом, радикальным ничегонеделаньем. Но это же, действительно, Васисуалий Лоханкин. Я думаю, что интеллигенция должна иметь мужество продолжать творить то, что она может. Те, кто могут творить фильмы, должны творить фильмы, и это есть способ освоения действительности, способ духовного освоения действительности; те, кто могут творить научные статьи, должны творить научные статьи – это тоже есть способ духовного освоения действительности. И он не менее действенный, это мощнейший фактор всего развития: не меньше, чем ресурсы, в том числе финансовые, не меньше, чем власть – она как раз достаточно ситуативна.

О ситуативном ручном управлении. Я воспринял то, что говорилось многими и, может быть, здесь, действительно, несколько увлекся полемикой с «рукастыми» управленцами. Само ручное управление – это скорее тоже не понятие, а некоторая метафора, не очень точная, но, вроде, всем понятная. И, когда мы заговариваем, есть видимость того, что всем понятно. На самом деле, его бы надо определять, и нужно было бы говорить о его месте. И именно из-за того, что это оставлено на уровне метафоры, это может создать иллюзию, что я как будто не понимаю, что у ручного управления есть какое-то место в системе управления. Но какое место? Я его противопоставляю нормативному управлению. Вот, идет футбольный матч. Что там действует? Ручное управление судьи или действуют правила, законы? С моей точки зрения, действуют правила: если не будет правил, не будет самой этой игры. А судья – это тот, кто отвечает, вообще говоря, за соблюдение правил, и его ручное вмешательство требует останавливать игру при нарушении правил, ситуативно что-то поправить, чтобы отлаживать эту систему и запускать ее снова. Вообще-то говоря, нельзя ломать ногу, нельзя откусывать ухо, нельзя еще что-то делать. То есть ручное управление – способ возвращения в нормативную систему, в нормативную систему управления, которую я считаю нормальной и эффективной. Это не вопрос авторитаризма, это совсем другое. Нормативная система управления может быть и при авторитаризме, и при демократии. Это гораздо более сущностное. Не эта публицистическая поверхностная трескотня. Это гораздо более глубокое, сущностное. Как сказал еще в конце 1990-х годов один умный чиновник (я несколько раз цитировал это даже где-то в публикациях): «Я понял, что управлять Россией с помощью законов, действительно, нельзя. Ею можно управ-

лять только с помощью декретов». Если так, то очень печально, но ведь не факт, что только так. Но если только с помощью декретов, то 20 лет ручного управления – это приговор. Это значит, что не отлаживается система правил, не запускается система правил, не разрабатывается система правил.

О понятиях. Это не термины, не определения, не дефиниции. Понятия – это способы представления объекта. Дефиниции – это вербальная форма их, и не о вербальностях идет речь, а о сущностях. Без научных понятий не будет моделей, а значит, не будет технически грамотных решений. Я думаю, что интеллект в данном случае капитулирует. Мощный интеллект может оказаться конформистским: внешне он выглядит очень смелым. На самом деле, он лишен внутреннего мужества. Это такая безвольная созерцательность: «будем наблюдать, но я знаю, что все погибло, все равно Россия расчленится, я знаю, что все равно науки уже не будет». Очень «смелый» вывод. Он, вообще-то говоря, не основан на исследовании, он основан на панике, на эмоции, на страхе, на некоторых обыденных представлениях, которые ничуть не лучше чиновничьих представлений, о которых, учтите, любят говорить свысока и снисходительно.

Еще один вопрос, который здесь был, его Иван Алексеевич поднял, но он был и в других выступлениях. Опять же не буду относиться только к отдельным точкам зрения. Обобщенно, это о понятии «группа разработчиков». У нас есть распределенная система принятия решений в управлении, очень сложно распределенная и запутанная, но есть еще и такая же система распределенного авторства. Есть иерархическая система авторства от политического до технического.

Я не согласен с тем, что специалисты исчезли сами по себе. С моей точки зрения, специалисты вытеснены из системы. Они не все умерли, и не все хотели уходить. Они вытеснены, потому что они не удобны для системы. Специалист говорит: «Так нельзя: объект не позволяет. Я знаю объект, так нельзя поступать». Для ручной системы управления специалист абсолютно негодный винтик, он мешает работать машине. Он недостаточно конформист. Он почему-то не знает, что все погибло, а исходит из того, что оно не погибло, и он должен стоять на каком-то своем маленьком участочке и спорить так, как будто бы от этого что-то зависит. Это вытеснено. С моей точки зрения, введена идеология, которая это выбила, это идеология менеджмента. В нашей системе управления менеджмент использован, как идеология против специалистов. Я не утверждаю, что менеджмент – это плохо. Я говорю, что в нашей системе, и то, как его поняли. У меня было (здесь я без фамилий скажу) довольно много споров и, в том числе с достаточно высокопоставленными чиновниками; на тот момент, когда спорили, они уже были высокопоставленные, а некоторые из них стали еще более высокопоставленными за пределами нашего министерства, именно по этому поводу: что специалисты не нужны. Есть аутсорсинг, все купим, свои мозги не нужны, просто купим. В системе управления специалисты не нужны.

В советское время считалось, что есть такие сферы, как сельское хозяйство и культура – туда можно любого проштрафившегося поставить

и этим-то он уж управлять сможет. Сейчас просто кульминация этого варварского взгляда о том, что вообще всем можно так управлять. И аутсорсинг – это не универсальный метод, у всего есть пределы эффективности. И он теряет свою эффективность, когда уничтожаются специалисты в других сферах. А это параллельно везде понижается, потому что в силу невостребованности специалистов в системе управления, невостребованным оказывается специалист и во всех других сферах, в том числе в науке. Потому что он нужен был бы только специалисту в системе управления, никто другой в нем не нуждается – его просто не услышат и не воспримут. Поэтому я говорю, что есть не только умыслы, интересы, но есть еще техническая грамотность и неграмотность. И это имеет значение, не буду говорить большее значение, потому что я не провел исследования. Все требует исследования. Если оно не проведено, то мы можем говорить те же самые вещи, но это за пределами науки, это значит, мы даже не можем проверить, что мы говорим. Нам просто, якобы, известно. Почему-то известно. Наука этим не довольствуется. Она это выясняет. Она это проговаривает. Важно чтобы была предъявлена процедура, на основе которой получены выводы. Наука строится на верификации и фальсификации, т. е. подтверждаемости и опровергаемости. Утверждения должны быть сформулированы так, чтобы они могли быть опровергнуты или подтверждены, а не так, чтобы было скользко: науки не будет, Россия погибнет, элиты решат и т. п.

Я всем очень благодарен за разговор, за обсуждение.

Изосимов В. Ю.: Мы пришли к естественному завершению нашего семинара, поэтому я предлагаю поблагодарить и автора, и всех участников.